

Правовая позиция Европейского суда по правам человека по толкованию категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение»

Н.Н. КИРИЛОВСКАЯ – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается и анализируется судебная практика Европейского суда по правам человека в части толкования категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение» по смыслу ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; права человека; бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

Juridical position European Court of human rights by interpretation category «inhuman or humiliation dignity treatment»

N.N. KIRILOVSKAY – docent from state law department, Vologda Institute of Low end Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences, docent

The article views activity the European Court of Human Rights by interpretation category «inhuman or humiliation dignity treatment». The analysis of practice European Court of human rights, decree the European Court of Human Rights by Article 3 of the European convention for the protection of human rights and fundamental freedoms 1950 года.

Key words: European Court of human rights; human rights; inhuman or humiliation dignity treatment.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в ст. 3 запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Конвенция гарантирует соблюдение данного права в отношении каждого человека, находящегося под юрисдикцией государства – члена Совета Европы¹.

Названное право включает в себя три составляющие:

- запрет пыток;
- запрет на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение;
- запрет на бесчеловечное или унижающее достоинство наказание.

Конвенция не определяет и не характеризует ни одну из заявленных категорий. Для того чтобы установить истинный смысл конвенции в отношении их, необходимо обратиться к практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), так как именно он в данном случае выступает в роли толкователя права.

Мы остановимся лишь на уяснении смысла категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение», так как именно это право, по мнению суда, преимущественно нарушается представителями государственных органов в Российской Федерации. В связи с тем что основные нарушения

имеют место в учреждениях, исполняющих наказания, толкование категории логично будет осуществить на примере решений, постановлений ЕСПЧ в отношении лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Одной из трудностей, связанных с толкованием категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение», является то, что не существует абстрактных стандартов, которыми можно было бы измерить конкретное обращение, а представления общества в этой сфере со временем меняются. Каждый случай следует рассматривать исходя из конкретных фактов и обстоятельств². Однако анализ практики Европейского суда по правам человека в отношении нарушений ст. 3 конвенции позволил сформулировать ряд общих положений по вопросу формирования его правовой позиции относительно содержания категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение».

Первое положение касается формирования содержательной характеристики категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение».

По мнению суда, унижающее достоинство обращение – это ненадлежащее обращение, достигающее минимального уровня жестокости. Обращение может быть расценено как унижающее достоинство в случаях, когда вызывает у жертвы чувство страха, мучений или неполноценности, способное унижить ее достоинство и, возможно, сломать ее физическое и психологическое сопротивление³.

Оценка указанного минимального уровня жестокости относительна и проводится с учетом ряда факторов. При этом в ходе определения ненадлежащего обращения суд учитывает кумулятивный эффект всех факторов⁴. Суд обращает внимание на то, преследовало ли такое обращение цель унижить или оскорбить данное лицо, а также на то, оказали ли его последствия негативное воздействие на личность потерпевшего, несовместимое со ст. 3 конвенции.

Все факторы, о которых идет речь, можно условно подразделить на две группы: основные и дополнительные. К числу основных ЕСПЧ относит:

1. Физическое насилие, которое является самым первым признаком и главным критерием определения ненадлежащего обращения, достигающего минимального уровня жестокости. Однако лишь в единичных случаях фиксируется причинение физической боли заявителю по смыслу ст. 3 конвенции. Так, в деле «Шувалов про-

тив России» суд признал, что заявитель был подвергнут жестокому обращению со стороны государственных служащих, и потребовал от государства убедительного объяснения причин возникновения телесных повреждений, в частности многочисленных гематом на мягких тканях ягодиц заявителя⁵. Объяснение государственных органов о самостоятельном причинении заявителем себе указанных травм без подтверждения судебно-медицинскими свидетельствами было признано необубедительным и неправдоподобным – суд посчитал, что травмы явились результатом жестокого обращения, согласно ст. 3 конвенции.

2. Материально-бытовые условия содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных (переполненность камер, отсутствие индивидуального спального места, неудовлетворительные санитарные условия). Ключевым фактором в этом перечне выступает жилое пространство, отведенное заявителю в местах лишения свободы. Крайняя нехватка места в камерах имеет существенное значение как аспект, который необходимо учитывать при установлении того, были ли оспариваемые условия заключения «унижающими достоинство» с точки зрения ст. 3 конвенции (см. постановление ЕСПЧ по делу «Каралевичус против Литвы» от 07.04.2005 г., жалоба № 53254/99). В результате рассмотрения дел, заявители в которых имели в своем распоряжении менее 3 кв. м личного пространства, ЕСПЧ сделал вывод, что переполенность камер была настолько существенной, что сама по себе давала повод к установлению нарушения ст. 3 конвенции (см. среди многих других постановление по делу «Линд против России» от 06.12.2007 г., жалоба № 25664/05, § 59; «Кантырев против России» от 21.06.2007 г., жалоба № 37213/02, § 50–51; «Андрей Фролов против России» от 29.03.2007 г., жалоба № 205/02, § 47–49 и др.).

3. Медицинское обслуживание. ЕСПЧ обнаруживает достаточную степень гибкости при определении обязательного стандарта медицинского обслуживания, решая этот вопрос в каждом случае индивидуально. По мнению суда, ст. 3 конвенции не может интерпретироваться как гарантирующая каждому лицу, содержащемуся под стражей, медицинское обслуживание на том же уровне, что и в лучших клиниках, предназначенных для гражданского населения. ЕСПЧ «готов признаться ограниченность ресурсов медицинских учреждений в рамках пенитенциарной системы по сравнению с

ресурсами клиник, предназначенных для гражданского населения» (см. постановление по делу «Гришин против России» от 15.11.2007 г., жалоба № 30983/02, § 76).

Однако отсутствие адекватного (в терминологии приказа Министерства здравоохранения и социального развития и Министерства юстиции от 17.10.2005 г. «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу») медицинского лечения, которое обязано обеспечить государство, по мнению суда, представляет собой серьезный риск для здоровья человека и вызывает унижающие человеческое достоинство существенные психические страдания, которые приравниваются к обращению, унижающему достоинство в смысле ст. 3 конвенции (см. среди других постановление по делу «Кожокар против России» от 16.12.2010 г., жалоба № 33099/08, § 115; постановление по делу Хумматова, § 108).

«Адекватность» медицинской помощи остается наиболее трудным для определения моментом. Комитет против пыток провозгласил принцип равноценности медицинского обслуживания в местах отбывания наказания и в обществе. Суд настаивает на том, что, в частности, власти должны обеспечить своевременность и тщательность диагностики и ухода, определяющегося самой природой заболевания, регулярность и систематичность наблюдения, наличие комплексной терапевтической стратегии, направленной на устранение проблем заключенного со здоровьем или на предупреждение усугубления симптомов заболевания (см. постановление по делу «Гумматов против Азербайджана» от 29.11.2007 г., жалобы № 9852/03 и 13413/04, § 115). Медицинская помощь должна быть оказана квалифицированными сотрудниками, которые могут эффективно оценить состояние здоровья и назначить адекватное лечение заболевания (см. постановление по делу «Кожокар против России» от 16.12.2010 г., жалоба № 33099/08, § 114).

Таким образом, адекватность медицинской помощи оценивается судом с точки зрения таких критериев, как своевременность, комплексность, эффективность, регулярность, систематичность, тщательность.

4. Обеспечение режима и безопасности (лишение пищи, регулярные обыски, телесные повреждения, изоляция ВИЧ-инфицированных, отсутствие ежедневных

прогулок на открытом воздухе, отсутствие контакта с окружающим миром и др.). ЕСПЧ считает, что неприемлемо подвергать заключенного наказанию в виде лишения пищи, объявив его злостным нарушителем внутреннего распорядка (см. постановление по делу «Микадзе против России» от 07.06.2007 г., жалоба № 52697/99, § 126).

ЕСПЧ, определяя минимальный уровень жестокости обращения, рассматривает данные факторы с учетом:

- длительности обращения, унижающего достоинство;
- физических и психических последствий унижающего достоинство обращения (см. постановление по делу «Прети против Соединенного Королевства», жалоба № 2346/02, § 52, ЕСПЧ 2002-Ш).

В качестве дополнительных факторов при выявлении бесчеловечного и унижающего достоинство обращения ЕСПЧ рассматривает пол, возраст, состояние здоровья потерпевшего.

Анализ всех названных моментов, по мнению суда, должен свидетельствовать о том, что перенесенное страдание или унижение в любом случае выходит за пределы соответствующего неизбежного элемента, связанного с содержанием в местах лишения свободы (см. постановление по делу «Тайрер против Соединенного Королевства» от 25.04.1978 г., § 30 и др.)

Второе положение связано с формированием критериев оценки обстоятельств дела и представленных доказательств сторонами.

При оценке обстоятельств дела и представленных доказательств ЕСПЧ обычно применяет стандарт доказывания «при отсутствии обоснованных сомнений» (см. постановление по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18.01.1978 г., § 161, Series A № 25). Такое доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных четких последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых фактических презумпций. Также необходимо принять во внимание, что разбирательство в рамках конвенции не всегда предполагает строгое применение принципа «*affirmanti incumbit probatio*» (бремя доказывания лежит на обвиняющей стороне), поскольку в определенных случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя. Непредоставление властями такой информации без удовлетворительного объяснения может подтолкнуть к

выводу об обоснованности утверждений со стороны заявителя (см. постановление по делу «Ахмет Озкан и другие против Турции» от 06.04.2004 г., жалоба № 21689, § 426). ЕСПЧ считает, что нет необходимости устанавливать достоверность каждого утверждения, поскольку он может зафиксировать нарушение ст. 3 на основании тех представленных заявителем фактов, которые не были опровергнуты властями (см. постановление по делу «Григорьевских против России» от 09.04.2009 г., жалоба № 22/03, § 55).

Бремя доказывания, по мнению суда, также может быть перенесено с заявителя на государство, если человек был взят под стражу здоровым, а в момент освобождения у него были обнаружены травмы. При таких обстоятельствах государство обязано представить правдоподобное объяснение причин травм, если же оно не может этого сделать, то есть основание говорить о нарушении ст. 3 конвенции.

Европейский суд усматривает недостаточность доказательств со стороны государства-ответчика в следующих случаях:

– отсутствие точной информации о количестве лиц, содержащихся в каждой из камер вместе с заявителем. Предоставление сведений об обеспечении индивидуальными спальными местами на основании справки, выданной начальником исправительного учреждения, и утверждений тюремных служащих без подтверждения оригиналами документов, а также ссылка на понятие «максимум», по мнению суда, не могут быть восприняты как объективное доказательство. Суд полагает, что такая информация может быть представлена в виде копий документов, свидетельствующих о распределении заключенных по камерам, записей в журнале о проектной вместимости камер и количестве кроватей, имевшихся в наличии на актуальную дату;

– представление властями документов (фотографий, справок), подготовленных спустя значительный период времени после рассматриваемых событий (см. постановление по делу «Дорогайкин против России» от 10.02.2011 г., жалоба № 1066/05, § 33; «Новинский против России» от 10.02.2009 г., жалоба № 11982/02, § 105; «Бужинаев против России» от 15.10.2009 г., жалоба № 17679/03, § 30 и др.)⁶.

Третье положение охватывает решение вопроса об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении обращений по ст. 3 конвенции.

Европейский суд по правам человека действует в соответствии с принципом subsidiarity, который согласно ст. 35 конвенции означает:

а) обязательство государства обеспечить каждому доступ к эффективному средству правовой защиты в национальной правовой системе в случае предполагаемого нарушения его прав по конвенции (обязанность предоставить такую защиту лежит преимущественно на национальных судах);

б) обязанность заявителя исчерпать доступные ему внутренние средства правовой защиты перед обращением в ЕСПЧ.

ЕСПЧ убежден, что лицо, находящееся в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, должно иметь возможность обратиться к эффективным и доступным внутригосударственным средствам правовой защиты в целях предотвращения нарушения или получения надлежащей компенсации (см. постановление по делу «Мельник против Украины» от 28.03.2006 г., жалоба № 72286/01, § 70–71).

По поводу исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты суд высказывает мнение о том, что существует распределение бремени доказывания. Власти, заявляющие о неисчерпанности, обязаны убедить суд, что средство правовой защиты было эффективным и доступным в теории и на практике в рассматриваемый период времени, то есть что оно давало реальную возможность получения компенсации в отношении жалобы заявителя и разумные шансы на успешный исход. По мнению суда, власти должны: во-первых, четко назвать национальный орган, уполномоченный рассматривать жалобы на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; во-вторых, дать четкое пояснение на предмет результативности такого обращения; в-третьих, указать правовую норму, на основании которой лицо имеет возможность предъявить требование о возмещении уже причиненного ущерба или возможность предупредить таким требованием будущие страдания; в-четвертых, привести примеры из национальной практики, свидетельствующие о том, что, используя имеющиеся средства, заявитель мог получить возмещение.

Однако, если данное обязательство доказывания было соблюдено, наступает очередь заявителя доказать, что средство правовой защиты, предлагаемое властями, в действительности было использовано, но не оказалось по какой-то причине достаточным и

эффективным применительно к конкретным обстоятельствам дела или что существовали особые обстоятельства, которые освобождают заявителя от бремени доказывания (см. постановление по делу «Акдивар и другие против Турции» от 16.09.1996 г., § 68, Отчеты о постановлениях и решениях, 1996-IV).

Статья 13 конвенции требует обеспечения внутригосударственного средства правовой защиты для того, чтобы рассмотреть «оспариваемую жалобу» по существу и надлежащим образом удовлетворить требования. Спектр обязательств, налагаемых ст. 13, варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя на основании конвенции. Тем не менее правовые средства защиты, предусмотренные ст. 13, должны быть эффективными как на практике, так и по закону. Эффективность средства правовой защиты в значении ст. 13 не зависит от непременно благоприятного для заявителя исхода. При этом орган власти необязательно должен относиться к судебной ветви (см. постановление по делу «Кожокарь против России» от 16.12.2010 г., жалоба № 33099/08, § 88, 90).

Существует ряд исключений из правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты:

- требование об исчерпании всех внутренних средств правовой защиты является неприменимым, если совершенно очевидно, что существует административная практика постоянных нарушений, несовместимая с положениями конвенции, и государство проявляет терпимость в отношении подобных нарушений, в результате чего разбирательство в национальных судах может стать бесполезным или неэффективным;

- обращение к внутренним средствам защиты в некоторых случаях может повлечь ухудшение положения заявителя, что является возможным, например, когда речь идет о лицах, находящихся под стражей. Кроме того, к числу таких обстоятельств относится полная пассивность национальных властей в случаях, когда должностные лица совершают ошибочные или незаконные действия, например не начинают расследование или не оказывают заявителю какую-либо помощь.

Четвертое положение затрагивает процессуальные обязательства государства в случаях бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Во-первых, по мнению суда, если заявитель, находящийся в заключении, представляет доказуемое утверждение, что он под-

вергся жестокому обращению в нарушение ст. 3 конвенции, государство обязано провести эффективное расследование, которое будет считаться таковым, если отвечает следующим критериям:

- своевременность;
- тщательность;
- беспристрастность;
- точность.

Обязательство расследовать – это «не обязательство получить результат, а обязательство принять меры». Оно должно вести к выяснению обстоятельств дела и, если жалоба оказалась обоснованной, установлению и наказанию виновных. Таким образом, расследование заслуживающих внимания сведений о жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти обязаны предпринимать серьезные попытки установить, что произошло, и не должны со ссылкой на поспешные или необоснованные выводы прекращать расследование или принимать какие-либо решения. Следует принимать все разумные доступные меры для обеспечения доказательств относительно инцидента, в том числе учитывать показания очевидцев, заключения судебно-медицинской экспертизы.

Следовательно, под эффективностью расследования ЕСПЧ понимает тщательность его проведения, установление и наказание виновных. К числу необходимых мероприятий, осуществляемых государством, суд относит:

- 1) проведение медицинского осмотра, санкционированного следственными органами;

- 2) осуществление личного допроса заявителя, предоставление возможности уточнения его свидетельских показаний;

- 3) официальное получение объяснений со стороны должностных органов (см. постановление по делу «Евгений Алексеенко против России», жалоба № 41833/04, § 130);

- 4) установление личностей дополнительных свидетелей, которые могут пролить свет на рассматриваемые события, и проведение их опроса;

- 5) проведение при необходимости повторных допросов уже известных свидетелей, чтобы устранить или объяснить расхождения, возникшие в их предыдущих заявлениях.

На случай возникновения негативной ситуации должна существовать и быть доступной процедура обжалования неэффективности расследования.

Таким образом, анализ практики Европейского суда по правам человека позво-

ляет сделать вывод о том, что определение бесчеловечного и унижающего достоинство обращения осуществляется судом посредством применения следующего алгоритма действий:

1) определение минимального уровня жестокости на основании ряда факторов (физическое насилие, материально-бытовые условия содержания, предоставление медицинской помощи, обеспечение режима и безопасности);

2) оценка обстоятельств дела на основании представленных сторонами доказательств;

3) решение вопроса об исчерпании внутригосударственных средств;

4) анализ выполнения процессуальных обязательств государством в случаях бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Только при подтверждении наличия всех составляющих суд делает вывод о том, что государственные служащие нарушили ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в части бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее время членами Совета Европы является 47 государств. Российская Федерация присоединилась к Совету Европы в 1996 г.

² См.: Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: Сб. аналит. ст. / Под ред. М.Р. Воскобитовой. М., 2005. С. 120.

³ См.: Там же. С. 136.

⁴ См.: Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Дорогайкин против России» от 10.02.2011 г., жалоба № 1066/05, § 33.

⁵ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Шувалов против России» от 18.10.2011 г., жалоба № 38047/04, § 44.

⁶ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Дорогайкин против России» от 10.02.2011 г., жалоба № 1066/05, § 37–39.

¹ V nastojawee vremena chlenami Soveta Evropy javljaetsja 47 gosudarstv. Rossijskaja Federacija prisoedinilas' k Sovetu Evropy v 1996 g.

² Sm.: Standarty Evropejskogo Suda po pravam cheloveka i rossijskaja pravoprimeritel'naja praktika: Sb. analit. st. / Pod red. M.R. Voskobitovoj. M., 2005. S. 120.

³ Sm.: Tam zhe. S. 136.

⁴ Sm.: Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka po delu «Dorogajkin protiv Rossii» ot 10.02.2011 g., zhaloba № 1066/05, § 33.

⁵ Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka po delu «Shuvalov protiv Rossii» ot 18.10.2011 g., zhaloba № 38047/04, § 44.

⁶ Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka po delu «Dorogajkin protiv Rossii» ot 10.02.2011 g., zhaloba № 1066/05, § 37–39.